

ФИЛОСОФСКИЕ НАУКИ

ГНИЛОЗУБОВА Т.А.

Н.А. БЕРДЯЕВ О ДУХОВНОМ ОБРАЗЕ Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО (ПО МОНОГРАФИИ Н.А. БЕРДЯЕВА «МИРОСОЗЕРЦАНИЕ ДОСТОЕВСКОГО»)

***Аннотация:** в статье делается попытка воссоздать духовный образ русского писателя Фёдора Михайловича Достоевского так, как он запечатлён в сознании русского философа Николая Александровича Бердяева. Именно так – «Духовный образ Достоевского» – называется одна из глав монографии «Миросозерцание Достоевского». Личность русского писателя, его духовный образ определяли его миросозерцание, которое определило всё его творчество.*

***Ключевые слова:** антиномичность, антропология, апокалиптика, гуманистическая вера, имманентный, имманентист, интуиция, мироощущение, миросозерцание, нигилизм, почвенническая идеология, пневматология, психология, славянофильство, теология, христианская вера, художественная интуиция, художественное творчество.*

Н.А. Бердяев называет свой труд о Ф.М. Достоевском «Миросозерцание Достоевского». И в качестве эпиграфа философ приводит слова из Нового Завета: «И свет во тьме светит, и тьма не объяла его» (От Иоанна. Глава 1, 5). Следует обратить внимание на слово «миросозерцание» – «миро-созерцание». Что такое созерцание и в каком значении это слово употребляется в данном случае, в заглавии философского труда? Что будет являться объектом изучения русского философа?

В.П. Филатов в словарной статье «Созерцание» замечает: «Созерцание – **чувственная ступень познания**. В философской традиции можно выделить **два основных его понимания**, причём оба они непосредственно связаны с понятием **интуиции** (что выражено в лат. и нем. языках – лат. **Intuitio**, нем. **Anschauung**). Первое понимание восходит к Платону, у которого созерцание выступало как вневещественное познание идей и составляло основу познания «по истине». Второе понимание связано с именем Канта, который противопоставлял созерцание как мышлению, так и ощущению и трактовал его как представление о единичном предмете, которое должно подвергаться в познании категориальной обработке. Шопенгауэр, полемизируя с Кантом, приписывал созерцанию неосознанное интеллектуальное содержание и считал его «первичным» представлением, а понятие – «вторичным».

В феноменологии Гуссерля рассматриваются оба вида созерцания – эмпирическое (сознание об индивидуальном предмете) и «эйдетическое», предметом которого является сущность («эйдос»). В трактовке эйдетического созерцания Гуссерль продолжил линию Платона» [4, с. 589]. Следует обратить внимание на то, что два основных понимания значения этого слова «созерцание» связаны с интуицией. Сразу приходят на память строки из этого труда: «У Достоевского не было отвлечённой системы идей, такой системы нельзя искать у художника, да и вряд ли она вообще возможна. Миросозерцание Достоевского

есть его **гениальная интуиция человеческой и мировой судьбы**. Это интуиция художественная, но не только художественная, это – также идейная, познавательная, философская интуиция, это – гнозис» [1, с. 10].

Итак, Н.А. Бердяев утверждает, что творчество Ф.М. Достоевского есть не что иное, как «интуиция человеческой и мировой судьбы», «идейная, познавательная, философская интуиция». Следует обратить внимание на слово «интуиция». Это художественная интуиция. Писатель интуитивно познаёт мир, в процессе художественного творчества, и у него не следует искать «отвлечённой системы идей», как у других философов. Итак, творчество Ф.М. Достоевского – «интуиция художественная». Сам концепт «интуиция» (латинское – *intuitio* – созерцание, непосредственное восприятие, пристальное всматривание) – «способность прямого, ничем не опосредованного постижения истины» [3, с. 140–141]. Н.А. Бердяев в монографии «Миросозерцание Достоевского» утверждает, что особенно важно, и к этой мысли философа следует прислушаться, что Ф.М. Достоевский осуществляет принцип «совпадение противоположностей» (в тексте – лат.). Н.А. Бердяев «схватывает» идеи Достоевского в их динамичности и не находит в них «никаких противоречий» [5, с. 10].

Н.А. Бердяев в своём философском творчестве уделил много внимания изучению и анализу личности и творчества Ф.М. Достоевского. Н.А. Бердяев называет Ф.М. Достоевского «великим мыслителем», «великим духовидцем», «гениальным диалектиком» и «величайшим русским метафизиком» [1, с. 9]. В своей монографии «Миросозерцание Достоевского» он пишет: «Моя работа должна быть отнесена к области **пневматологии**, а не психологии. Я хотел бы раскрыть дух Достоевского, выявить его глубочайшее мироощущение и интуитивно воссоздать его миросозерцание» [1, с. 9]. Н.А. Бердяев утверждает, что «идейная диалектика» есть особый род» [1, с. 9] творчества писателя. «Идеи Достоевского глубоко **онтологичны, бытийственны**, энергичны и динамичны. В идее сосредоточена и скрыта разрушительная энергия динамита» [1, с. 10].

Свою **цель изучения творчества русского писателя** русский философ Николай Александрович Бердяев видит в следующем: «Достоевский был в каком– то особенном смысле гностиком. Его творчество есть знание, **наука о духе**. Миросозерцание Достоевского в высшей степени динамическое, и в этой динамичности я и хочу его раскрыть. С этой динамической точки зрения у Достоевского нет никаких противоречий. Он осуществляет принцип – «совпадение противоположностей». Из углублённого чтения Достоевского каждый должен выйти обогащённый знанием. И это знание я хотел бы в полноте восстановить» [1, с. 10].

Н.А. Бердяев, приступая к анализу духовного образа и творчества русского писателя, пишет о различных подходах к творчеству Достоевского. Однако Н.А. Бердяев утверждает, что «во всех этих подходах, что– то приоткрывавших в Достоевском, не было конгениальности его целостному духу» [1, с. 11]. «Лучше всего всё–таки писал о Достоевском Мережковский в своей книге «Л. Толстой и Достоевский» [Мережковский Д.С. Л. Толстой и Достоевский.

Жизнь и творчество. СПб., 1901-1902]. Но и он слишком занят проведением всей религиозной схемы, параллельно с Л. Толстым» [1, с. 11]. Н.А. Бердяев называет подход **Дмитрия Сергеевича Мережковского** к Достоевскому принципиально неверным. И сам предлагает «единственно верный метод».

В чём же заключается этот единственно верный метод, который предлагает Николай Александрович Бердяев в монографии «Мирозозерцание Достоевского»? «Всякого великого писателя, как великое явление духа, нужно принимать как целостное явление духа. В целостное явление духа нужно интуитивно проникать, созерцать его как живой организм, вживаться в него. Это – единственно верный метод. Нельзя великое, органическое явление духа подвергать вивисекции, оно умирает под ножом оператора, и созерцать его целостность уже более нельзя. К великому явлению духа нужно подходить с верующей душой, не разлагать его подозрительностью и скепсисом. (...) Созерцание несоединимо с разложением предмета созерцания. И я хочу попытаться подойти к Достоевскому путём верующего, целостного интуитивного вживания в мир его динамических идей, проникнуть в тайники его первичного мирозозерцания» [1, с. 12].

Н.А. Бердяев в монографии «Мирозозерцание Достоевского» утверждает, что Достоевский выражает «всечеловеческое в национальном». «Если всякий гений – национален, а не интернационален и выражает всечеловеческое в национальном, то это особенно верно по отношению к Достоевскому. Он характерно русский, до глубины русский гений, самый русский из наших великих писателей, и вместе с тем наиболее всечеловеческий по своему значению и по своим темам» [1, с. 12].

Определяющим положением в этой книге является следующее: «Творчество Достоевского есть **русское слово о всечеловеческом**. И потому из всех русских писателей он наиболее интересен для западноевропейских людей. Они ищут в нём откровений о том всеобщем, что **и их мучит**, но и откровений иного, загадочного для них мира русского Востока. Понять до конца Достоевского – значит понять что– то очень существенное в строе русской души, значит приблизиться к разгадке тайны России» Итак, тайна России – это тайна русской души, «существенное в строе русской души». В этом высказывании явно присутствует точка зрения западноевропейского человека, который пытается раскрыть тайну «загадочного (...) мира русского Востока» [1, с. 12–13].

Н.А. Бердяев, анализируя Достоевского, приводит слова Ф.И. Тютчева, который утверждал: Умом России не понять, Аршином общим не измерить [Стихотворение Ф.И.Тютчева «Умом Россию не понять» (1866)]. Н.А. Бердяев утверждает, что «Достоевский отражает все противоречия русского духа, всю его антиномичность, допускающую возможность самых противоположных суждений о России и русском народе» [1, с. 12].

Итак, противоречия духа Достоевского не суть противоречия его лично, в них отражаются противоречия русского духа. Русский дух, по мнению Н.А. Бердяева «антиномичен», то есть совмещает в себе самые крайние противоположности. Такими антиномиями, такими крайностями, такими

полюсами русского духа Н.А.Бердяев в монографии «Миросозерцание Достоевского» называет **апокалиптику и нигилизм**. Н.А. Бердяев пишет: «Русские люди, когда они наиболее выражают своеобразные черты своего народа, – апокалиптики или нигилисты. Это значит, что они не могут пребывать в середине душевной жизни, в середине культуры, что дух их устремлён к конечному и предельному. Это – два полюса, положительный и отрицательный, выражающие одну и ту же устремлённость к концу. И как глубоко отлично строение духа русского от строения духа немецкого – немцы – мистики или критицисты, и строения духа французского – французы – догматики или скептики. Русский душевный строй – самый трудный для творчества культуры, для исторического пути народа. (...) **Апокалиптика и нигилизм** с противоположных концов, религиозного и атеистического, одинаково низвергают культуру и историю как середину пути. И часто трудно бывает определить, почему русский человек объявляет бунт против культуры и истории и низвергает все ценности, почему он оголяется, потому ли, что нигилист, или потому что он апокалиптик и устремлён к **всеразрешающему религиозному концу истории**» [1, с. 12–13].

Особо следует обратить внимание на слова Николая Александровича Бердяева: «...всеразрешающий религиозный конец истории». «Антиномичная полярность русской души совмещает нигилизм с религиозной устремлённостью к концу мира, к новому откровению, новой земле и новому небу» [1, с. 13]. Н.А. Бердяев пишет в книге «Миросозерцание Достоевского»: «Апокалипсический и нигилистический бунт сметает все формы, смещает все границы, сбрасывает все сдержки. **Шпенглер** в своей недавно вышедшей интересной книжке «**Прусачество и социализм**» [Шпенглер О. Прусачество и социализм. П., 1922] говорит, что Россия есть совсем особый мир, таинственный и непонятный для европейского человека, и открывает в ней «апокалиптический бунт против античности» [1, с. 12– 13].

Н.А. Бердяев использует термины «**апокалипсис русского духа**» и «**нигилизм русского духа**». Н.А. Бердяев замечает: «За пластами душевной оформленности, устоявшегося душевного строя, за душевными наслоениями, освященными рациональным светом и подчинёнными рациональным нормам, открывает Достоевский вулканическую природу. В творчестве Достоевского совершается извержение подземных, подпочвенных вулканов человеческого духа» [1, с. 14]. Н.А. Бердяев пишет: «Достоевский и был глашатаем совершающейся революции духа». «Творчество его выражает бурный и страстный **динамизм человеческой природы**. Человек отрывается от всякого устойчивого быта, перестаёт вести **подзаконное существование** и переходит в иное измерение бытия» [1, с. 14–15].

Н.А. Бердяев сравнивает творчество Ф.М. Достоевского и сильную сторону творчества Л. Толстого. «И потому в творчестве его (Достоевского) нет ничего эпического, нет изображения объективного быта, объективного строя жизни, нет **дара перевоплощения в природное многообразие человеческого мира**, нет всего того, что составляет сильную сторону Льва Толстого. Романы

Достоевского – не настоящие романы, это **трагедии**, но и трагедии особого рода. Это внутренняя трагедия единой человеческой судьбы, единого человеческого духа, раскрывающегося лишь с разных сторон в различные моменты своего пути» [1, с. 14–15]. Н.А. Бердяев сравнивает Ф.М. Достоевского и Л.Н. Толстого: «И ещё в одном отношении замечательно соотношение Толстого и Достоевского. Толстой всю жизнь искал Бога, как ищет его язычник, природный человек, от Бога в естестве своём далёкий. Его мысль была занята **теологией**, и он был очень плохой **теолог**. Достоевского мучит не столько тема о Боге, сколько тема о человеке и его судьбе, его мучит загадка человеческого духа. Его мысль занята **антропологией**. Он не как язычник, не как природный человек решает тему о Боге, а как христианин, **как духовный человек решает тему о человеке**. Поистине вопрос о Боге – человеческий вопрос. Вопрос же о человеке – божественный вопрос, и, быть может, **тайна Божья** лучше раскрывается через **тайну человеческую**, чем через природное обращение к Богу вне человека. Достоевский не теолог, но к живому Богу он был ближе, чем Толстой, Бог раскрывается ему в судьбе человека. Быть может, следует быть поменьше теологом и побольше антропологом» [1, с. 16–17].

Н.А. Бердяев пишет о том, что «что если и можно назвать Достоевского реалистом, то **реалистом мистическим**» [1, с. 19]. Н.А. Бердяев касается **вопроса о периодизации творчества Ф.М. Достоевского**, считает, что «Записки из подполья» разделяют творчество Достоевского на два периода [1, с. 19]. Н.А. Бердяев утверждает, что Ф.М. Достоевский становится трагическим писателем, и что «есть великая радость в чтении Достоевского, великое освобождение духа» [1, с. 20]. «Трагедия Достоевского, как и всякая истинная трагедия, имеет катарсис, очищение и освобождение» [1, с. 21].

Н.А. Бердяев в монографии «Миросозерцание Достоевского», анализируя творчество русского классика, употребляет такие термины, как «гуманистическая вера в человека» и «христианская вера в человека». Н.А. Бердяев утверждает, что Ф.М. Достоевский «потерял гуманистическую веру в человека, но остался верен христианской вере в человека, углубил, укрепил и обогатил эту веру» [1, с. 21]. Христианская вера – это свет Христов, который и во тьме светит.

Н.А. Бердяев касается почвеннической идеологии, которую исповедовал Ф.М. Достоевский. «Достоевский любил называть себя «почвенником» и исповедовал почвенную идеологию. И это верно лишь в том смысле, что он был и оставался русским человеком, органически связанным с русским народом. Он никогда не отрывался от национальных корней. Но он не походил на славянофилов, он принадлежал уже совершенно другой эпохе. По сравнению со славянофилами Достоевский был **русским скитальцем, русским странником по духовным мирам**» [1, с. 22].

Н.А. Бердяев сравнивает Достоевского со славянофилами. «Он – человек Апокалипсиса. Славянофилы не были ещё больны **апокалиптической болезнью**. Достоевский прежде всего изображал судьбу русского скитальца и отщепенца, и это гораздо характернее для него, чем его почвенность» [1, с. 22]. Сравнивая Достоевского и славянофилов, Николай Александрович Бердяев приходит к

выводу: «Он по иному относится к Западной Европе, он – патриот Европы, а не только России, по иному относится к Петровскому периоду русской истории, он писатель петербургского периода, художник Петербурга» [1, с. 23].

Н.А. Бердяев пишет: «Творчество Достоевского есть изумительно *искристое, пронизывающее откровение ума*. По силе и остроте ума из великих писателей с ним может быть сравнён лишь один Шекспир, великий ум Возрождения. Даже ум Гёте, величайшего из великих, не обладал такой остротой, такой диалектической глубиной, как ум Достоевского. И это тем более изумительно, что Достоевский пребывает в дионисической, оргийной стихии. (...) Диалектика идей у Достоевского опьяняет, но в опьянении этом острота мысли не угасает, мысль достигает последней остроты» [1, с. 24].

Николай Александрович Бердяев утверждает, что «Достоевский открывает новый духовный мир, он **возвращает человеку его духовную глубину**» [5, с. 24]. «Достоевский как явление духа означает поворот внутрь, к духовной глубине человека, к духовному опыту, возвращение человеку его собственной духовной глубины, прорыв через замкнутую «материальную» и «психологическую» действительность. Для него человек есть не только «психологическое», но и духовное существо. Дух не вне человека, а внутри человека. Достоевский утверждает безграничность духовного опыта, снимает все ограничения, сметает все сторожевые посты. **Духовные дали открываются во внутреннем имманентном движении**. В человеке и через человека постигается Бог. Поэтому Достоевского можно признать **имманентистом** в глубочайшем смысле слова» [1, с. 24]. Необходимо знать значение слов «имманентный», «имманентист». Понятие «Имманентное», как читаем в «Новой философской энциклопедии» – «философское понятие, обозначающее нечто, пребывающее и действующее **внутри предмета, не направленное и не переходящее вовне**; соответствующее природе предмета, присущее ему, а не привнесённое извне» [2, с. 99].

Таким образом, Н.А. Бердяев в монографии «Миросозерцание Достоевского» начинает анализ миросозерцания писателя с анализа его духовного образа. Что именно включает в себя понятие «духовный образ», мы узнаём из первой главы монографии. Н.А. Бердяев подробно останавливается на таком важном вопросе, как специфика философствования Ф.М. Достоевского. В чём заключается специфика философствования писателя? В том, что он интуитивно постигает философские истины, в том, что он мыслит как художник, он движется к философским истинам непосредственно в своём художественном творчестве. Он «созерцает» философские истины. Главными темами философии Ф.М. Достоевского Н.А. Бердяев называет тему человека и связанные с ней темы. Достоевский для Н.А. Бердяева, прежде всего, великий антрополог. Именно в этом страстном и глубоком интересе к проблеме человека и видит Н.А. Бердяев оригинальность Ф.М. Достоевского как мыслителя. Ф.М. Достоевский для Н.А. Бердяева художник-имманентист. Человек для Ф.М. Достоевского – духовное существо, но дух находится не вне человека, а внутри него. И Бог постигается Ф.М. Достоевским через человека. Ф.М. Достоевский, по мысли Н.А. Бердяева, возвращает человеку его духовную глубину.

Литература

1. Бердяев Н.А. Миросозерцание Достоевского // Бердяев Н.А. Философия творчества, культуры и искусства [Текст]: в 2 т. / вступ. ст., сост., примеч. Р. А. Гальцевой]. – М.: Искусство; ИЧП «Лига». – Т. 2. – 1994. – 508 с.
2. Вышегородцева О.В. Имманентное // Новая философская энциклопедия. – Т. 2. – М.: Мысль, 2001. – С. 99 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASHf38bcef8333fb450106f3>.
3. Новиков А.А. Интуиция // Новая философская энциклопедия. – Т. 2. Е–М. – М.: Мысль, 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH523b26935f21f2467bc452>.
4. Филатов В.П. Созерцание // Новая философская энциклопедия. – Т. 3. Р–С. – М.: Мысль, 2001 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <https://iphlib.ru/library/collection/newphilenc/document/HASH2824110493bd44f1d37028>.